

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

Ш П И К

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 48 (891)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА — 1935

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

Ш П И К

Перевод с немецкого
Л. ГЕРАСИМОВОЙ

Журнально-газетное объединение
Москва — 1935

Ответ. редактор Еф. ЗОЗУЛЯ Техн. редактор А. Гуревич

Издатель Журнально-газетное объединение Изд. № 273

Уполномочен. Главлита Б 10004 Зак. тип. 536 Тираж 50 000

Статформ. А₅—105×148 мм. 1¹/₂ печ. л. Число зн. в 1 печ. л. 48000

Книжка сдана в наб. 25 VII—35 г. Подп. к печ. 21/VIII—35 г.

Типография и цинкография Жургазообъединения, 1-й Самотечный, 17

Спотыкаясь, идет комиссар Петцольд по неровной булыжной мостовой скудно освещенных улиц Оттенсена. Он возвращается с дежурства, как всегда, поздно. Сегодня он идет не так, как обычно: прямо, энергично. Сегодня он пошатывается. Он идет, втянув голову в плечи, подняв воротник, и иногда тихо стонет, закрывая на секунду глаза.

«Я этого не хотел, не знал и не хотел. Но кто поверит мне? Кто мне поверит?.. Если бы они это подозревали, эти глупцы. Эти глупцы... Ну, да теперь все равно. Все равно».

Влажной рукой Петцольд закрывает лицо. Как бы прогнав мучительные мысли, он выпрямляется, подымает голову, прямо, большими твердыми шагами идет вдоль темной стены маргаринового завода на Кельбарштрассе.

«Дураки. Круглые дураки. Разве я мог поступить иначе? Что мне оставалось делать? Каждый совершенно равнодушно смотрит, как другой бредет навстречу своему несчастью. Помочь? Протянуть руку? Этого не бывает. Каждый должен идти своей дорогой до конца. Совершенно один. И никто не скажет тебе: не иди этой дорогой, она ведет в бездну, найди другую. А потом кричат, строят рожи,

исходят ненавистью и презрением... я не хочу больше... я не могу больше... я не могу больше»...

Улица пустынна; нет людей, нет даже бродячих кошек. В окнах погас свет. Разве уже так поздно? Странно, так тихо еще никогда не было. Безнадёжно смотрит он в небо, залитое молочным светом бледного, как привидение, месяца.

«Было ли время, когда в звездную лунную ночь можно было итти спокойно без того, чтобы беспокойные мысли не копошились в голове? Сидеть, мечтать, глядя на верхушки деревьев и звезды, и ни о чем не думать?.. Было ли такое время.. ни о чем не думать?»

Петцольд тяжело вздыхает. И вдруг он начинает смеяться:

«К чорту, что это со мной? Приди в себя, парень. Сентиментален, как старая дева». И тихо, шопотом, полным упрека, он заканчивает разговор с самим собой: «Я просто сведу себя с ума этими бесполезными размышлениями. Кому это нужно? Война есть война, и на войне не бывает иначе».

Невольно он усмехается. Усмешка переходит в смех. И он смеется, смеется громко, неудержимо и неестественно.

В подъезде дома он зажигает карманный фонарь. На лестнице всегда страшно темно.

«Просто безобразие. Всегда здесь испорчено освещение. Я буду жаловаться. За что только платишь этой собаке-хозяину деньги? В этой темноте можно сломать себе шею».

Он освещает ступеньки у себя под ногами и осторожно входит в дом.

«И они собираются мстить. Этот Голь из коммунистического спортивного союза кричал об этом перед своей смертью: «По колено в крови, в вашей крови!» Только это. Он совсем охрип от крика. По колено в крови. Так думают все они. Разве я не заслуживаю, чтобы они так же думали об мне? Наконец, ты, подлец, добился этого».

Произнес он эти слова сейчас?

Комиссар стонет, испуганно хватается за перила; рука, держащая фонарь, бессильно повисла.

«Забуду ли я когда-нибудь это? Сотрутся ли эти слова в моей памяти? Иерн, я этого не хотел. Правда, Иерн, ты можешь мне верить...»

Петцольд бредет дальше. Он тяжело передвигает ноги, крихтит на каждом шагу. Свет его фонаря перебегает с места на место.

На площадке второго этажа он останавливается, опирается на перила и вполголоса говорит:

«Конечно, так продолжаться не может. Или я уже совсем выжил из ума? Веду себя, как-будто за мной гонятся ведьмы. Меня хотят взять за горло. Ну, хорошо, пусть попробует, кто хочет. Подойди ближе! Ближе!»

Он прислушивается. Кругом тишина. Он поднимается, последние двадцать восемь ступенек.

На третьем этаже в течение нескольких месяцев он снимает маленькую отдельную комнату в семье Келлер. Как раз напротив лестницы вход. Славные

люди эти Келлеры. Нелюбопытны, делчкатны в денежных вопросах, не вмешиваются в его дела.

Петцольд зажимает фонарь подмышкой для того, чтобы достать ключ. Ему нужно залезть глубоко в карман, свет фонаря мечется по двери.

«Что это там — прямо над визитной карточкой?»

Петцольд направляет туда свет и отшатывается к самому краю лестницы, как-будто его ударили.

«Вот оно... они здесь... все кончено... все кончено...»

Дрожащей рукой он еще раз наводит фонарь на дверь. Может быть, это ошибка. Нет, — он ясно видит крест. Крупные капли пота выступают у корней волос.

«...Карл Бендер получал угрожающие письма и не бращал на них внимания. Однажды на его дверях появился красный крест. Он смеялся, но в ту же ночь они застрелили его.

В ту же ночь... Боже мой, я это заслужил. Боже мой!»

Внезапный ужас охватывает Петцольда. Ноги застывают, пальцы делаются холодными и неподвижными, внутренняя дрожь трясет все тело.

«Иерн... Иерн Штюбен»...

Раздается грохот. Петцольд мгновенно оборачивается, прислоняется к стене, привычным движением выхватывает револьвер и наводит в темноте, по направлению к лестнице.

Ослабевшие пальцы выпустили фонарь. Он скачет со ступеньки на ступеньку. Шум гулко раздается в тихом, заснувшем доме. Наконец, прокатившись еще немного вниз, фонарь останавливается.

Петцольд все еще стоит, прислонившись к стене, готовый защищаться от невидимых врагов. Револьвер холоден, как и его рука. Механически он направляет его направо, потом налево. Он не доверяет внезапно воцарившейся тишине. А если они еще здесь, на лестнице?..

Тихо. Он слышит только свистящее дыхание и удары своего сердца. С тяжелым стоном он вытирает кистью руки, сжимающей револьвер, глаза.

Значит, ничего, ничего, кроме воображения. Может быть, и крест? Он ощупью вдоль стены пробирается к двери квартиры. Нерешительно стоит в темноте. Пот жжет кожу, а сердце бьется у самого горла.

И вдруг он поворачивается, несется вниз по лестнице мимо фонаря, который бросает маленький кружок света на стену. С шумом толкает наружную дверь. На улицу. Вон из дома.

По другой стороне спящей улицы кто-то идет.

«Чего он хочет? Зачем этот парень бродит около моей двери?»

Петцольд снова лезет в карман, хватая рукоятку револьвера и спешит дальше, бросая на незнакомца, который скрывается в противоположном направлении, недоверчивые взгляды. Когда он его больше не видит, ему становится легче, он успокаивается.

Петцольд благодарным взглядом смотрит вверх.

Матовый свет луны прогоняет темноту, все принимает ясные и резкие очертания.

Сзади себя Петцольд видит длинную тень.

«Значит они решили насчет меня... Иерн Штю-

бен... который своего друга, своего собственного друга... и все-таки они ничего не знают. Они ничего не знают, они предполагают, комбинируют... еще в ту же самую ночь они застрелили Карла Бендера».

Петцольд быстро идет по Колбергассе, потом по Гнейзаенауштрассе через аллею Бисмарка. Куда он идет? Он не знает. Он должен идти и идти все время вперед. В его мозгу, как вытравленное, горит одно имя: Иерн Штюбен. Это имя включает в себе все его отчаяние, всю его несчастную судьбу.

Чудесные летние ночи и вечера — разве они так далеко позади? На целые годы? Суббота—это было 7 июня, он никогда не позабудет этого дня, — когда он первый раз говорил с коммунистами как коммунист, но как переодетый, фальшивый, не настоящий. Этот вечер в зале, полном табачного дыма, его речь, его ошибка в Иерн Штюбене... никогда не забыть ему этого дня, в тот день он думал, что поступает правильно. Этот день был началом его несчастья... Его несчастья? Да! Но он же был и началом счастья... началом его перерождения.

Тогда все прошло без заминки. Начальник был прав: коммунисты доверчивы и наивны. Когда Петцольд пришел, он ясно чувствовал их испытующие, внимательные взгляды, но они сразу раскрыли свои объятия, когда он передал им материал и разоблачения. Материал, который составил и дал ему начальник округа. Его таскали из одной комнаты в другую, как-будто он был чем-то необыкновенным. Много рук пожимали его руку в этот первый вечер.

Внезапно он стал товарищем, и товарищем особым, — ведь он был перебежчиком, он пришел с другой стороны. Как быстро враг может стать другом! Как раз в этот вечер было собрание руководящих товарищей. После закрытого совещания — было уже далеко за полночь — они позвали его.

— Товарищи! — крикнул председатель собрания и повторил вновь: — товарищи!

В прокуренной и душной комнате было шумно. Все повернули головы, вытягивали шеи, чтобы лучше видеть, в чем дело.

— Товарищ Густав Петцольд, бывший до сих пор ответственным работником у наци, порвал с этой партией предателей рабочего класса и перешел к нам...

Трое-четверо крикнули: «браво!» Большинство приглядывалось к новичку, беспокойный, неуверенный взгляд которого немного застенчиво перебегал с одного на другого.

— Он передал нашей партии ценный материал, вскрывающий разложение в областном руководстве наци.

Петцольд ясно чувствовал, как устремленные на него взгляды становились теплее, дружелюбнее, а в ушах звучали слова начальника округа: «Коммунисты доверчивы и наивны». Но что значат теперь подобные мысли; они будут только отвлекать и смущать его. Он хотел бы хоть на одну минуту убедить себя, что он действительно перебежник, он пытался войти в свою роль.

— А теперь товарищ Петцольд сам скажет несколько слов.

В зале снова поднялся легкий шум, как-будто над головами собравшихся пролетел рой пчел. Петцольд встал. Но он был беспомощен и не мог найти подходящих слов, хотя уже много дней готовился к этой минуте. Потом он начал: сначала запинаясь, потом более гладко, но как-то хрипло, с резкими ударами. Его удивлял звук его голоса, ему казалось, что он говорит, как унтер-офицер. Боже мой, и как раз этого-то он хотел во что бы то ни стало избежать. Он описал свой путь к наци, «путь человека, не занимавшегося политикой».

— СДП была мне противна. Противны карьеризм и продажность в ее рядах. А КПП казалась близкой к СДП, только несколькими оттенками ярче, краснее.

Никогда он не видел более внимательной аудитории. Ни шопота, ни скрипа стульев. Интерес слушателей придавал ему какую-то особенную уверенность.

— Сознание того, что не КПП, но партия Гитлера основывается на подобном же обмане народа, как и СДП, не было внезапным. Оно было результатом длительной внутренней борьбы.

Для коммунистов эти слова были лучшей отрадой, они наслаждались плодами их полной опасности работы. И все же они сидели так, как-будто бы все то, что они слышали здесь, было самым обыкновенным делом.

— Будучи членом национал-социалистической партии, я часто читал коммунистические газеты, сравнивал дословные передачи речей коммунистических ораторов с отчетом в буржуазной прессе. Я беседовал с коммунистами на улице и в доме, где жил.

Потому что с тех пор, как я вступил в партию Гитлера, я стал интересоваться политикой.

Вдруг Петцольд почувствовал, что не может говорить дальше: в голове не было никаких мыслей. Он хотел говорить о милитаризме, о войне, но он не мог сделать перехода. Его речь прервалась. Тогда он начал снова:

— И то, что наци стремятся к новой войне, — это тоже стало мне ясно. Я, собственно, говоря, никогда не был поклонником войны; нашей семье пришлось слишком много тогда пережить. Мне всегда нравился лозунг коммунистов оказывать сопротивление войне, отказываясь отбывать воинскую повинность.

Кто-то кашлянул несколько раз подряд. Кто-то тихо засмеялся. Петцольд оглянулся скорее удивленно, чем смущенно. Его широко раскрытые изумленные глаза производили такое комичное впечатление, что смех стал громче. Кровь бросилась ему в лицо. Казалось, что горло чем-то налилось. Он не мог произнести ни одного слова. Беспомощным взглядом он искоса посмотрел на сидящего рядом с ним председателя и сел.

Председатель тяжело поднялся со стула. Его лицо выражало досаду. Положив сжатые кулаки на край стола, он произнес сквозь зубы:

— Нет ничего позорного для нашего нового товарища в том, что он не знает нашего отношения к войне, но позор для нас, что мы смеемся над ним. Товарищ будет учиться, он догонит нас, а нашим долгом и обязанностью является — не мешать ему, не закрывать ему этот путь.

По пути домой — это было уже под утро — (у коммунистов каждое совещание продолжалось до рассвета) — давно сдерживаемая ярость Петцольда прорвалась наружу:

«Эти идиоты, что они только воображают... И каждый должен разбираться в их путанных взглядах. То, чему они поклоняются сегодня, они проклинают завтра. Итти в армию, разлагать ее, организовывать ячейки. Как-будто это в конце-концов не одно и то же. Политика кинжала. Просто жалкая политика кинжала. И вот эти парни начинают возмущаться и хотят быть дезертирами. Здесь действительно можно только удивляться, и такой подходит ко мне и покровительственным тоном рекомендует «сочинения Ленина. Как-будто получает за это комиссионные».

В один из ближайших дней Петцольд все же отправился к тому коммунисту, который ему говорил о Ленине. «Теперь важна каждая связь», сказал он себе. Надо было собирать материал для своих отчетов в окружном руководстве.

Там будут удивляться, как он все это обделал. Как им пришла в голову мысль о нем, кто мог предложить им это? Ведь новый начальник округа совсем его не знал.

Словно с неба, свалилось тогда неожиданное приказание — явиться лично к начальнику округа.

— К самому начальнику?

Петцольд уставился в письмо, пытаясь вычитать оттуда загадочные причины этого. Зачем он нужен ему?

В назначенное время он явился в окружное руко-

водство, которое помещалось в красивой вилле за Дамтором. Большое знамя со свастикой, висевшее на высоком шесте перед домом, производило почти воинственное впечатление. И этот прекрасный дом принадлежал партии. А значит и ему, — ведь он тоже принадлежал к партии. Он гордо взошел на крыльцо, по бокам которого стояли каменные фигуры рыцарей в панцырях; на красном стеклянном щите он прочел: «Окружное руководство национал-социалистической рабочей партии Германии».

В передней он показал свое письмо, и его сейчас же пропустили.

Тот, о котором в партии говорили, что он любимчик Адольфа Гитлера, был меньше ростом и, конечно, гораздо моложе Петцольда. Начальник округа был похож на конторщика или комми-вожера.

Петцольд не мог найти в нем абсолютно ничего особенного. Пожатие его руки было женски-мягким, так же, как и его лицо, так же, как и он сам.

Петцольда он встретил как хорошего знакомого:

— Хейль Гитлер! Значит, вы — Петцольд? Густав Петцольд? Очень раз познакомиться с вами. Садитесь, камерад.

Петцольд сел, прямо, настороженно. Он, не отрываясь, смотрел на это выхоленное мальчишеское лицо и ровный пробор. Начальник пододвинул ему коробку папирос, закурил сам и спросил:

— Вы с 1926 года у нас в партии?

— Да, господин начальник округа.

— Говорите мне, пожалуйста, просто начальник!

— Да!

— Мне сообщили, что вы не имеет работы?

— Да, начальник!

— У вас есть семья?

— Нет!

Начальник поставил локти на стол и потер руки.

— Очень деликатное дело, камерад Петцольд. Скажите мне откровенно, если вы чувствуете, что это задание вам не по силам. Оно не легко, требует сил, осторожности и жертв.

Петцольд слушал всем своим существом, он чувствовал: для него готовится что-то важное.

— С работой здесь, в Гамбурге, сейчас дело обстоит плохо. Нехватает размаха и методичности. Ну, чтобы быть ближе к делу — мы совсем не имеем связи с нашими противниками. Мои предшественники ужасно по-дилетантски вели дела.

Взгляд Петцольда скользнул с беспокойных глаз начальника на его маленькие подвижные губы, которые при каждом слове складывались бантиком и были похожи на губы женщины.

— Связь должна быть создана при любых обстоятельствах, и вы, Петцольд, должны нам в этом помочь. Готовы ли вы это сделать?

— Разумеется, начальник!

— Вы должны работать у коммунистов!

— У... у коммунистов?

— Это вас пугает? Ну, это совсем не так страшно. Коммунисты обычно лишь представляются такими; в действительности они довольно глупы, доверчивы и наивны.

— Как... что... как я должен работать?

— Конечно, вам надо вступить в КПГ. Сделать небольшой шум при этом. Мы укажем вам несколько фактов, которые вы можете там «разоблачить». Этот материал имеет то преимущество, что он является настоящим, при помощи этих разоблачений нам удастся внутри нашей партии сместить моих предшественников и всю их клику, а для вас этим самым открывается дорога. Таким образом мы будем в двойном выигрыше. Коммунистам будет нетрудно убедиться в неподдельности этого материала. Итак, будьте спокойны. Вас там примут с распростертыми объятиями. А мы — мы, конечно, решительно порвем с вами. Изменник. Вы поняли?.. Вы колеблетесь? Да, это требует жертв, это наименее приятная часть нашей борьбы. И надо молчать. Молчать при всех обстоятельствах, принимая любое унижение. Вы должны даже пытаться достигнуть какого-нибудь поста в КПГ. Чем выше вы забереетесь, чем внимательнее вы будете смотреть в бумаги, тем более ценна будет ваша работа для движения... Нелегкая задача. Она требует настоящего национал-социалиста. Но поэтому-то мне и рекомендовали именно вас... Ну, что вы скажете?

И потом все произошло так, как это предполагалось. Материал и разоблачения рассеяли все сомнения коммунистов.

Итак, 7 июня, день его перехода, был несомненным успехом. И Штюбен, который стал на его сторону, когда он сболтнул ерунду, наверное мог ему многое указать. Каждая связь имела значение. Ему надо было прислушиваться и приспособляться к

привычкам и духу коммунистов. «Чорт возьми, неза-
видная работа», признался сам себе Петцольд.
В конце-концов, они еще втянут его в бригаду, за-
нимающуюся поножовщиной. Но он тут же улыбал-
ся, чувствовал какое-то внутреннее возбуждение и
убеждал себя, что это — чертовски пикантная исто-
рия, в которой он сейчас играет главную роль.

Штюбен и его жена встретили Петцольда, как сво-
его родного сына, и он никак не мог предполагать,
что он был причиной небольшого спора.

Жена Штюбена металась по комнате, как заведен-
ный волчок, приглаживала плюш на диване, выти-
рала пыль с безделушек, стоявших на комодe, с ра-
мок, и особенно бережно с тех, в которых над книж-
ной полкой висели портреты Маркса, Энгельса и
Августа Бебеля.

Прибирая, она все время удивлялась, откуда бе-
рется эта грязь, ведь только вчера она все привела
в порядок, чтобы гость не подумал, что они живут,
как свиньи. Наконец она громко спросила своего
мужа, который у окна читал газету:

— Подать чай сразу, как он придет?

Штюбен, пошуршав газетой, ворчливо ответил:

— Это совсем не так важно!

Его жена удивленно выпрямилась, подбоченилась
и, глубоко вздохнув, сказала:

— Так, так, не важно, но все же мне это надо
знать.

— Нельзя же сразу нападать на человека с едой
и с питьем.

— Ну, а если он придет не евши?

Жена не отступала. Она все еще стояла, подбоченившись, и хотела внести ясность в этот вопрос. Штюбен видел, что надвигается гроза, спрятал голову за газету и проворчал:

— Делай, как знаешь!

Но тут-то фрау Штюбен и напустилась на него:

— Ах, какой ты добрый! — кричала она. — «Делай, как знаешь». Это тебя не касается? Ты приглашаешь гостей, а всю работу возлагаешь на меня!

— То есть какую работу? Мы будем ужинать, как обычно, и он будет есть с нами.

Она тяжело вздохнула.

— Но ты ведь можешь иногда хоть помочь советом!

— Конечно. Ну, какой тебе нужен совет?

Но у фрау Штюбен был прекрасный слух, и, уловив в его голосе насмешливые нотки, она быстро отрезала:

— Ах, мерзкий старик, ты все смеешься!

— Ну, мать, ты ошибаешься.

Это было уже слишком. Фрау Штюбен, толкнув стул в сторону, вышла из комнаты, крепко хлопнув дверью.

В это время позвонил Петцольд. Сердитое лицо фрау Штюбен просияло. Она помогла снять пальто, повесила его в передней и указала на дверь в комнату:

— Он здесь, господин Петцольд!

Петцольд вошел.

— Добрый вечер, товарищ Штюбен!

— А! Добрый вечер! Я уже думал, ты совсем не придешь.

— Прости, пожалуйста.

Петцольда удивила чистая, мещанская обстановка комнаты.

— Меня задержал старый знакомый. Член национал-социалистической партии.

«Это похоже на комнату какого-нибудь чиновника», думал Петцольд.

— Он спрашивал, правда ли то, что я писал в газете. Эти людишки просто вне себя. Они мне кажутся овцами, которые потеряли пастуха: они не знают, куда идти и во что верить.

Штюбен встал со своего стула и присел к гостю на диван.

— Придет еще время, когда они почувствуют себя не только покинутыми, но и обманутыми!

— Умные это и сейчас знают!

Петцольд держался как можно непринужденнее, говорил небрежно улыбаясь, сидел так, как-будто здесь он был частым гостем, а не в первый раз. Только его речь не подчинялась его воле: слова казались ему напыщенными, манерными и самодовольными.

Было трудно в новом окружении сразу же найти верный тон.

Штюбен задумчиво покачивал своей лысой головой. Умные? Иногда можно подумать: не умнейшие, а глупцы стоят у колеса истории.

Вошла фрау Штюбен. Взглянула на Петцольда. Она была небольшого роста, но солидного объема: ее юбка сидела на ней, как криолин.

— Принести чай сейчас, господин Петцольд, или вы хотите сначала передохнуть?

Штюбен ответил за Петцольда:

— Конечно, сейчас надо что-нибудь поесть и выпить чаю. Товарищ Петцольд наверное голоден. Не зачем даже и спрашивать.

Маленькие черные глазки фрау Штюбен прямо выкатились на лоб: она медленно, глубоко вздохнула и с трудом разжала крепко стиснутые губы:

— Ну, мне остается только удивляться!

— Пожалуйста, не беспокойтесь, фрау Штюбен,— обратился к ней Петцольд.— Не беспокойтесь, пожалуйста!

Но Штюбен не хотел ничего слышать.

— Не болтай глупостей, если ты наш гость, то ты будешь и есть и пить.

Петцольд все время задавал себе вопрос, как и почему эти люди стали коммунистами. Единственное, что указывало на это, были три портрета, висевшие на стене. А кроме этого? С глубоким изумлением он вспомнил, что он находится в самой «красной» семье на этой улице.

За ужином Штюбен рассказал, что еще в январе 1918 года, при забастовке рабочих завода боевых припасов, он «ударился влево»; что мать — так он называл свою жену — была руководительницей отряда в красном женском союзе; что его младшая — Эрна — работает в комсомоле, а Генрих сидит в тюрьме.

Петцольд недоверчиво взглянул на него:

— Твой сын сидит в тюрьме?

— Да, уже больше года!

— Подумайте только, больше года! — Оживленное лицо фрау Штюбен вдруг сразу поблекло и стало грустным. — Как только вообще человек может вынести это?

— Он парень хороший. Есть свои недостатки, но он меня забавляет. Я бы на его месте поступил точно так же. Точно так же.

Петцольд, снедаемый недоверием, удивлением и любопытством, спросил:

— За что он сидит?

— Длинная история. — Штюбен подлил себе в чай солидную порцию рома, как-будто это было необходимой подготовкой к тому, что ему предстояло рассказать. — Длинная, но теперь уже почти повседневная история. Он был осужден за убийство.

— За убийство?

— Да! Но я уже сказал, что на его месте я поступил бы точно так же. Это не было убийством, он вынужден был обороняться!

— Даже судьи были в сомнении! — снова перебила его фрау Штюбен.

— Судьи! Судьи! — с глубоким презрением сказал старик Штюбен. — Это величайшие преступники на земном шаре. Судьи!

— А ты мне не расскажешь про своего сына?

Штюбен сделал глоток, потом тщательно вытер платком не только рот, но и всю нижнюю часть лица.

— Было это в мае прошлого года. Они собрались на прогулку в Лаценбург. Парни и девушки — ком-

сомольцы. Они часто уезжали в субботу после работы и возвращались в воскресенье вечером. Но в это воскресенье он не вернулся, только потом мы узнали, что там произошло. В одной деревне совсем рядом с Бойценбургом их по всем правилам военного искусства окружила и жестоко избила группа штурмовиков. Штурмовиков было гораздо больше, чем наших. Моему сыну они оторвали пол левого уха и перебили руку. Девушек тоже сильно избили: одна из них потом два месяца лежала в больнице. С большим трудом наши спаслись в Бойценбурге.

Фрау Штюбен, которая, конечно, хорошо знала все эти подробности, внимательно слушала. Когда Штюбен замолкал, она тихонько вздыхала.

— В Бойценбурге тоже стягивали свои силы наци. Ну, там, по всей вероятности, произошла здоровая потасовка. Наш Гейни получил удар ножом в спину, на волосок от позвоночника, и его отправили в Бойценбург в больницу. Но на следующий же день его арестовали и под полицейским конвоем отправили в Гамбург в портовую больницу.

Штюбен остановился, и Петцольд, считая рассказ законченным, спросил:

— И за это он уже так давно сидит?

— Во время побоища были убиты двое наци. Он и четверо других комсомольцев были приговорены к четырем годам тюрьмы. Свидетели-наци показали на суде, что эти пятеро имели ножи. Конечно, ни один из наци не был осужден, несмотря на то, что ведь они были зачинщиками этой потасовки.

— Тогда ему остается еще много! — участливо сказал Петцольд и подумал: «Значит, я сразу попал в подходящую семейку».

Фрау Штюбен вздохнула и провела рукой по глазам. Она не плакала, но смотрела перед собой таким взглядом, как-будто отсюда она видела своего мальчика.

— А он так любит свободу, — сказала она. — Летом его прямо нельзя было удержать; ни одного свободного дня он не сидел в городе. Тяжело это дается ему теперь.

— Может быть, его освободят при какой-нибудь амнистии! — утешал их Петцольд.

— Это не так просто, — ответил Штюбен. — Ясно одно: наши классовые враги воспитывают из наших детей бойцов лучше и настойчивее, чем это можем сделать мы. Ребята будут потом выполнять всю работу.

Некоторое время все молча сидели вокруг стола. Раздался звонок; фрау Штюбен вскочила, как-будто ее разбудили:

— Наверное Эрна, — сказала она и побежала к двери.

Это была Эрна Штюбен. Швырнув шляпу на маленький столик, она уже хотела войти в комнату, когда мать крикнула ей вслед:

— У нас гости. Новый товарищ, бывший наци.

Эрна мигом повернулась, поправила перед зеркалом волосы и одернула платье.

Дочь нарушила наступившее молчание. Смеясь

очень непринужденно, она рассказывала о том, какую ужасную ерунду она видела в кино.

— И вот всегда так попадешься. Часто думаешь: ну, может быть, стоит пойти, но каждый раз тебя обманывают. Больше я в кино не хожу!

— Ну, ну! — засмеялся отец. — В будущее воскресенье опять побежишь.

— Ни за что!

Петцольду нравилось это живое, здоровое человеческое дитя; у нее были такие же круглые, черные, как вишни, глаза, как у матери, но у нее они были лукавые. Каштановые волосы с рыжеватым оттенком волнистыми прядями спускались на шею и очень шли к ее бледному юному лицу.

Позже, когда мужчины остались вдвоем, Петцольд задумчиво сказал:

— Жизнерадостное создание твоя дочка. И очень мила!

— Да, она вносит жизнь в дом!

И сразу же Штюбен начал говорить:

— Ведь это подлость — брать молодых людей в лучшие годы их жизни. И всегда это рабочие. Эта классовая юстиция, как я ее ненавижу! Люди в рясах и в судейских мантиях — величайшие преступники перед человечеством. Но когда-нибудь будет иначе, и тогда они первыми сложат свои головы.

Он сам разжигал в себе ярость. Петцольд молчал.

— Я думаю, я мог бы спокойно собственными руками удушить такого адвоката.

Идя домой, Петцольд думал о том, что все произошло иначе, чем он себе представлял. Несмотря

на то, что Штюбен ненавидел буржуазию, он был миролюбивым и добродушным человеком, а его жена сердечной матерью и радушной хозяйкой. А дочь чрезвычайно мила. Петцольду казалось, что он еще никогда не видел таких блестящих, веселых глаз... и она умела держаться с достоинством и с умом... Он засмеялся в ответ своим мыслям. «Нехватает еще, чтобы я втрескался в девчонку. Я — в комсомолку, сестру убийцы».

На следующей неделе — это было время чрезвычайных декретов, когда снижалась зарплата и петля нужды все туже затягивалась на шее рабочего, — Петцольд часто бывал у Штюбена и так подружился с семьей, что Штюбен однажды спросил свою жену:

— Как ты думаешь, мать, если мы ему предложим комнату Гейни? Пока его нет, он мог бы жить у нас. Я думаю, он согласился бы.

Фрау Штюбен задумалась. Это было плохим знаком.

— Он тебе не нравится?

— Этого бы я не сказала.

— Он еще не совсем наш, это правда; он еще довольно замкнутый и говорит путанно и замысловато. Я не знаю, но мне кажется, что служащие все такие.

— Значит, он тебе тоже не нравится?

Штюбен отложил в сторону книгу, которую читал.

— И да, и нет. Я думаю, нужно сначала узнать его поближе, а потом судить о нем. Мне нравится каждый, кто после долгих блужданий находит легкий и сейчас, конечно, еще непривлекательный

путь к коммунизму. Ведь он пришел оттуда, где люди считают себя хорошими, честными, а нас почти не считают людьми. Он долго был у них: это накладывает отпечаток, кое-что остается.

И лишь после того, как Петцольд уже в течение многих недель был их частым гостем, Фрау Штюбен спросила:

— Почему ты, собственно говоря, взялся за него?

— Почему? — Штюбен задумался, как-будто об этом он никогда раньше не думал: — Сказать тебе откровенно—из страха. Из страха, что другие будут плохо обращаться с ним и оттолкнут его. Кто же у нас заботится о тех многих, которые приходят к нам? А если и заботятся, то свысока, покровительственно, а часто просто глупо и плохо. А между тем о таком новичке как раз и нужно заботиться. Большинство из нас забыло о том, какой путь оно само прошло. Должно пройти некоторое время, пока человек будет целиком наш. Вступление в партию — ведь это не конец, а начало».

Однажды вечером, когда Петцольд и вся семья сидели за ужином, Штюбен прервал разговор:

— Хотелось, чтобы сын тоже мог сейчас поужинать с нами!

Фрау Штюбен с каким-то особым выражением задушевности наклонилась к нему:

— Я тоже только-что подумала об этом. Когда я вижу товарища Петцольда на том месте, я всегда думаю — там сидит Гейни.

— Ну, знаете, я плохая замена.

— Нет, нет, товарищ Петцольд, вы не должны так говорить. Вы для нас всегда дорогой гость и друг.

На следующий день Петцольд со всеми своими пожитками перебрался к Штюбенам. Он сказал, что он комми-вояжер и поэтому ему нужно рано вставать. По целым дням он бесцельно бродил по улицам или сидел в кафе. По вечерам был у Штюбенов или шел вместе с ними на заседания. Несколько раз он ездил в маленькие города округа и там выступал на собраниях против национал-социалистской партии, всегда с большим успехом. Все чаще признавал он необходимость изучить марксизм. На собраниях рабочие задавали вопросы и не удовлетворялись общими, беглыми фразами. «Если хочешь завоевать доверие коммунистов и занимать какие-нибудь общественные посты, то надо быть сведущим в марксистской науке», сказал он себе. Штюбен помогал ему, как мог. Часто до поздней ночи Петцольд спорил с ним о проблемах марксизма-ленинизма. Сначала Петцольд втихомолку издевался над тем, что именно он изучает марксизм; он—ядовитая бацилла в среде марксистов. Но со временем всевозрастающий интерес к поставленным вопросам сменил собою желание издеваться над всеми.

Эрну он встречал редко, хотя и жил у ее родителей. У него было такое чувство, что она его избегает; особенно с того вечера, когда они долго сидели вдвоем в комнате и он все время осаждал ее разными вопросами.

Какая разница между нею и ее родителями, которые несмотря на всю свою добрую волю во всех

своих жизненных проявлениях были мелкобуржуазны. Эрна от всего сердца смеялась над всем тем «старым барахлом», среди которого им приходилось жить; она смеялась над безделушками матери и выговаривала ей за ее суету. О своем отце этот подросток глубокомысленно говорил, что хотя он хороший человек, но для большевика он слишком мягок. — Отец хотел бы, но он не может, в нем еще очень много старого. Во всяком случае я представлю себе большевика совершенно иным!

Она рассказывала, что еще после октябрьского восстания ее отец сидел в тюрьме и что в партии он для всех любимый товарищ. — Ну, — закончила она и потянулась, закинув руки за голову, — во всяком случае мы совершенно иначе организуем нашу жизнь. Меньше семьи и больше личной жизни, меньше хлопот и больше радости. Мы создадим себе чудесную жизнь.

Петцольд улыбнулся этим мечтам. Она заметила это и стала серьезной. — Я твердо верю в это. Мы этого достигнем. И мы будем бороться за это.

В тот вечер он спросил: — А ваш брат, товарищ Эрна, что это за человек?

— Гейни? — Она слегка нагнула голову. — Он очень умный, спокойный, миролюбивый, гораздо спокойнее и уживчивее, чем я.

— А все-таки дерется ножом? — Это выскользнуло у Петцольда против его воли. Он испугался, когда взглянул в удивленные глаза девушки. Он знал, что сказал глупость.

— А если он это и сделал, разве он не может

защищаться? — Она вскочила. — Нет, этого вы не должны думать, товарищ Петцольд, он не трус.

Обрадовавшись, что она так поняла его вопрос, он возразил: — Говорят, что умные люди редко бывают смелыми.

— Вы его не знаете, но может быть вы его узнаете. Он вам понравится. Наверное даже. Он всем нравится.

После этого вечера у Петцольда было неприятное чувство, как-будто она его избегает. Он же тосковал по ее звонкому смеху, ему хотелось видеть ее лукавые глаза и стройную подвижную фигуру.

Свои отчеты в окружное руководство он писал все с большей неохотой. Он сомневался, стоит ли идти на свидание. Но в конце-концов все же шел. Он избегал смотреть на секретаря Стеффенсона, ему было противно видеть его сальную улыбку. Когда же с деньгами в кармане он оставался один, его трясло. Потом он напивался, что с ним давно не случалось.

Проходили месяцы. Петцольд со смешанным чувством видел, как росла его партия, для которой он работал среди коммунистов. В нескольких районах она стала сильнейшей партией, и ему становилось просто страшно. А ведь его это должно было бы радовать. На него производило очень сильное впечатление то, что коммунистов не приводил в смятение этот рост партии их жесточайших врагов. Настойчиво, упорно, без колебаний, твердо веря в победу, они продолжали свою работу.

Петцольд все чаще получал в партии различные задания, часто вынужден был выезжать в округ и делать там доклады; он был даже кандидатом в окружное руководство. Для того, чтобы выполнить все эти задания, а также и потому, что у него появилась потребность, он углублялся в теорию марксизма, поглощая книжки (небольшая библиотека Штюбена уже не удовлетворяла его); посещал марксистскую рабочую школу.

Когда он был один в комнате или шел по улицам и думал о национал-социалистской партии, ему она казалась очень, очень далекой. Свое прошлое он видел лишь в туманной дали, иногда не мог даже вспомнить имен некоторых партийных товарищей, с которыми он вместе работал. И часто он ловил себя на мысли о том, как бы ему совсем освободиться от этого прошлого. Чем чаще он об этом думал, тем более невозможным казалось ему это. Ему казалось, что не остается ничего иного, как продолжать свою роль до конца. Действительно ли не оставалось ничего иного? От подобных размышлений он спасался в пивную или в кино, вообще туда, где были люди и можно было отвлечься.

Однажды утром раздался стук в дверь, и в комнату вошел Стеффенсон, секретарь и курьер окружного руководства.

Петцольд вскочил:

— Вы!?

— Да я, голубчик! Хотел осведомиться о вашем

драгоценном здоровье. Вы больны или мы просто разошлись?

— Как вы могли притти сюда! — Петцольд был вне себя и просто не знал, что делать.

— Что же мне оставалось? Если вы не находите дороги ко мне, то я должен найти вас.

— Будьте добры сейчас же покинуть этот дом, я живу у коммунистов.

— Я знаю. — Стеффенсон улыбнулся. Петцольд мог бы задушить его только за одну эту улыбку.

— Я.. я просто не понимаю. Начальник округа знает об этом?

— Эх, вы, наивный, он же меня и прислал сюда. Мне, собственно говоря, надо спросить, готовы ли у вас отчет или, вернее, отчеты. И потом: не нужны ли вам деньги?

— Отчеты у меня еще не готовы.

— Когда мне зайти еще раз?

— Сюда больше не приходите.

Стеффенсон испытующе посмотрел на Петцольда и потом медленно и выразительно произнес:

— Снова на углу?

Петцольд кивнул головой, не взглянув на него.

— В среду вечером, не правда ли? В 11 часов, как обычно. И не забудьте притти, иначе — иначе я буду вынужден снова посетить вас.

Когда он вышел из комнаты, Петцольд в отчаянии опустил на стул.

До самой среды, до самого вечера он колебался. Он откладывал составление отчета со дня на день.

Он чувствовал себя погибшим, он понял угрозу Стеффенсона. Все же он сел и начал писать.

Он написал много, и было там много важного.

План организационной структуры «аппарата» коммунистов, имена ответственных руководителей и некоторых работников. К ним относился и Штюбен. Он перечислил всех, но о Штюбене он умолчал.

Потом он дополнил список персонального состава редакции партийной печати (об этом он уже писал в предыдущем отчете). Он написал подряд все имена тех, о которых он знал или слышал, что они принадлежат к окружному руководству.

Кроме этого, он сообщил имена всех преподавателей марксистской рабочей школы, которые выступали не под своим настоящим именем.

Вот с этим материалом он пошел к условленному месту.

Когда он передал все Стеффенсону, у него было чувство, как-будто он отрывает куски собственного тела, чтобы спасти себя. Новенькие чеки Стеффенсона шуршали у него в кармане и жгли ему руки.

Домой он пришел поздно. Он думал, что у Штюбенов все спят, и был удивлен, встретив дома одну Эрну.

— Вы еще не спите?

— Нет, только-что вернулась с собрания.

Девушка выглядела утомленной, более бледной, чем обычно, и была взволнована. Петцольд, чувствовавший облегчение (впереди опять был целый месяц), подойдя к ней, озабоченно спросил:

— Что с вами, товарищ Эрна?

Она удивленно посмотрела на него и долго не

отвечала. Наконец в ответ на его терпеливую, дружескую улыбку, она сказала:

— Мне страшно, по-настоящему страшно. Прежде всего они придут к нам, когда дело дойдет до этого. Они так ненавидят нас. Они уже часто угрожали.

— Товарищ Эрна! — Петцольд взял ее за худенькие плечи и прижал к себе. — Эрна, — повторил он, — стала малодушной? — Ему захотелось сказать ей «маленькая Тютю» (так он называл свою первую любовь), утешить и погладить ее по головке. Сомневается девушка в победе? Боится битвы? Бедная малютка!

Эрна вырвалась из его рук.

— Не говорите же такой невыносимой ерунды. Сомнение? Страх? Как плохо вы меня знаете, товарищ Петцольд. Я боюсь за отца, который стар и уже не может противостоять опасностям. А потом — я боюсь за брата. В тюрьме ведь он во власти любого подлеца. Я? О себе я вообще не думаю.

Петцольд стал серьезнее, убеждал ее, как мог, быть мужественной и ни минуты не думал о том, какую странную роль он вновь играет. Он, именно он, внушает коммунистке веру в будущее.

— Эрна, вспомните о несокрушимой силе рабочих. Подумайте о героической борьбе русских рабочих. («Как только я могу так говорить сейчас?») Подумайте о нашей молодежи, о нашей мощной смелой партии. («Как эти слова так гладко сходят у меня с языка?») Время с нами. И что может с нами случиться, разве мы боремся не за лучшую идею в мире? («Я все же настоящий подлец.»)

Петцольд смотрел в блестящие, влажные глаза и чувствовал, как приятны девушке его слова.

Однажды, встретив ее в коридоре, он спросил:

— Товарищ Эрна, не развлечься ли нам немного?

— То есть как?

— Вы слышали оперу «Аида»?

— Нет.

— Хотите завтра вечером пойти со мной в театр?

На следующий день вечером они сидели среди нарядно одетых толстых женщин и чопорных буржуа. Петцольда очень забавляло поведение Эрны, которая время от времени тихо говорила: «Тфу, чорт».

Когда они вышли из театра, она задумчиво подняла свой маленький нос в небо и сказала:

— Так бывает только на сцене!

— Что, Эрна?

— Что из-за любви делаются изменниками.

Петцольд вздрогнул, но спросил:

— Как изменником?

— Ну, этот Радамес. Из-за любви к эфиопке он покинул своих.

— Так бывает и в жизни.

— Я не думаю, предают ради денег.

Петцольд согнулся под ее словами, как под ударом; ему хотелось убежать. Он крепко прижал руку к груди, как-будто громкое биение сердца могло его выдать.

Потом они долго молча сидели рядом на скамье у Альструфера. Петцольд держал ее маленькую руку в своих горячих ладонях. Перед ними, обрамлен-

ное темным поясом деревьев и домов лежало гладкое, чернильно-черное озеро Альстер. Они слышали, как позади них по асфальту улицы шуршали колеса автомобилей.

Они следили взглядами за маленькими парходами, которые, излучая свет, пересекали темное озеро.

Петцольд крепче сжал маленькую руку. Когда девушка не сделала попыток отнять ее, у него прибавилось смелости, и он притянул ее к себе.

— О нет, товарищ Петцольд!

— Эрна, я люблю вас!

Она испуганно вскочила.

— Я прошу вас никогда больше не говорить ничего подобного. Я не из-за этого пошла с вами. Пойдемте!

Молча шли они вдоль Альстера под шелестящим сводом листвы каштанов.

Наконец смущенно и еле слышно Эрна прошептала:

— Товарищ Петцольд, у меня есть друг. Его зовут Карл. Мы очень любим друг друга.

— Я понимаю... понимаю. Да так и лучше. Не только поэтому.

Амнистия, объявленная генералом Шлейхером, открыла двери тюрьмы и перед Генрихом Штюбеном.

У дверей своей комнаты Петцольд столкнулся с высоким человеком, на узком бледном лице которого выделялись большие черные глаза. Он сейчас же догадался, что это сын Штюбена, так как его черезчур громкий, хриплый голос напоминал о длительном заключении.

В этот же вечер Петцольд уложил свои вещи. Несмотря на то, что вся семья уверяла его, что он может совершенно спокойно искать себе комнату, а Генри говорил, что он переночует у приятеля,— он ушел.

Все же он часто встречался с молодым Штюбен-ном. Этот живой, несмотря на молодые годы уже болезненно-нервный человек привлекал его, он был очень начитан в области марксизма. Целыми вечерами спорили они о разных проблемах, обменивались впечатлениями о теоретических статьях и новых книгах. Петцольд, бывший банковский служащий, смотревший на пролетариев сверху вниз, так как он считал их необразованными, неспособными к духовной глубине и эстетическим чувствам, был поражен этим молодым рабочим, который прямо с фанатической жадностью бросался в область науки. Петцольд видел в среде коммунистов много вещей, изумлявших его, но этот Штюбен, который, едва выйдя из тюрьмы, уже бегал по канцеляриям с тем, чтобы записаться на зимний цикл лекций в университете, в корне изменил его представление о коммунистах.

Часто по ночам он лежал в кровати с открытыми глазами. Его бросало то в жар, то в холод. И что за глупые и поверхностные представления у него были раньше! Что знал он о структуре капиталистического хозяйства? А о классовой борьбе предыдущих эпох? О законах диалектики в природе, о человеческом обществе? А чиновники, его быв-

шие товарищи, о чем они рассуждали? Петцольд вспомнил их собрания. Разве это не были собрания глухих и немых? Чем они занимались? Занимались ли они? В ушах у него звучали только их жалобы и стоны: «Так дальше продолжаться не может».

В такие ночные часы он чувствовал себя потрясенным. Несмотря на все его сопротивление он стал другим и все же был неразрывно связан с прошлым. Но он смотрел назад не с тоской и с внутренней гордостью познавшего, а с ненавистью и мучительным отчаянием. Он чувствовал себя каким-то нечистоплотным, чувствовал, что он подлец, неблагодарный, жалкий подлец, он чувствовал надвигающееся несчастье. Ему казалось что за жалкие гроши он истребляет свою собственную семью.

Ему не давало облегчения и то, что в эти ночи он думал о коммунистах, лишь немногим отличавшихся от его бывших товарищей, которые тоже рассуждали, шумели, пили, дрались. Он слишком долго жил у Штюбена и знал слишком много других Штюбенов.

Однажды по дороге в комитет партии он подумал: не пойти ли ему к руководителю и прямо сказать:

— Товарищ Шуберт, вы ошибаетесь во мне, я послан в компартию национал-социалистским начальником округа для шпионажа. Но я больше не национал-социалист, я не хочу больше давать донесений, не хочу больше обманывать моих теперешних товарищей, которых я люблю и уважаю, не хочу больше бороться против марксизма, который я счи-

таю величайшим достижением человеческого ума.

Поверил бы ему руководитель округа? Поверил бы ему какой-нибудь коммунист? Разве Кауфман и Стеффенсон не вылили бы на него ушаты грязнейшей клеветы?

Стали бы его уважать? Он потерял бы не только своих старых товарищей, но и своих новых друзей. Нет, петля уже затягивалась, он слишком глубоко погряз в подлости. Его жизнь была загублена. Но донесений он больше давать не станет, пусть будет, что будет.

Настало 30 января 1933 года. Адольф Гитлер стал рейхсканцлером, провозглашенный Гинденбургом, который только-что голосами национал-демократов был избран на пост президента... В первый момент Петцольд остолбенел от возмущения. Потом он улыбнулся. Это хорошо, развязка приближается. Он считал гражданскую войну неизбежной.

День спустя он стоял у окна у Штюбена и смотрел вниз на факельное шествие ликующих штурмовиков. Полиция засела на крышах, оцепила улицы, по которым проходили штурмовики. Все окна были закрыты. Прожектора ощупывали фасады домов.

У Штюбенов было тихо, даже живая Эрна была странно молчалива. Фрау Штюбен спокойно хозяйничала в кухне, приготавливала ужин и делала вид, что ее мало беспокоит то, что происходит на улице. Она боялась только за своего сына. — Только бы Гейни опять не попался! — со вздохом повторяла она.

— Грустно, что снова дошло до этого!

Эти слова мрачно и сдержанно повторял несколько раз Штюбен в этот вечер.

В феврале начались провокации. Горел рейхстаг. Массовые аресты. Расстрелы. Открытый террор.

Петцольд, совершенно сбитый с толку ходом событий и полицейскими мероприятиями, переменял квартиру, порвал связи с коммунистическими организациями и выжидал.

В середине марта он получил приказ явиться к н.с. начальнику округа. Уже на следующий день он занял кем-то покинутый стол в помещении ратуши, где разместилась вновь организованная тайная полиция, и стал называться комиссаром.

Об этом у Штюбена ничего не знали. Их не удивляло, что Петцольд больше не появлялся. Было бы глупо, если бы он это сделал. Генрих Штюбен перешел на нелегальное положение и бесследно исчез. Иерн Штюбен, как всегда, ходил на завод, восемь часов стоял у своего токарного станка, стал молчаливее и заметно постарел. Эрну уволили с работы, она не хотела присоединиться к заявлению о лояльности правительству Гитлера.

Вальтер Каленберг, политрук нелегальной уличной ячейки, однажды вечером решил зайти к Штюбенам.

— Товарищ Штюбен, Петцольд — шпик!

У Штюбена иронически дрогнул угол рта:

— Что за страшные сказки ты рассказываешь?

— Определенно шпик. Сразу же после 5 марта

он стал комиссаром тайной полиции. Он сидит в ратуше, комната 16.

— Не болтай группостей, парень. Вы наверное ошиблись. Сейчас везде чудятся шпики и изменники.

Каленберг не смог убедить Штюбена.

Начальство было разочаровано Петцольдом. Он не давал им сведений, которых они от него ожидали. Он еще узнавал известнейших коммунистов, которых приводили к нему в качестве заключенных. Начальство втихомолку называло его тупицей и терпело его только потому, что он был назначен по личному желанию начальника округа.

Вокруг Петцольда были кровь и трупы. А он, в эти дни так часто думавший о самоубийстве, видя вокруг себя умирающих, все с большей жадностью цеплялся за жизнь. Но рвение и восторг победителей не возбуждали его. Весна Гитлера, охота на людей, приторный запах крови внушали ему отвращение. И все же он старался уговорить себя: может быть, они это сделают? Что они должны сделать? Он старался задушить в себе сомнения. Он цеплялся за постановление, объявляющее день 1 мая праздником, ликовал по случаю исключения Гугенберга из правительства, ругал коммунистов, называя их трусами и болтунами. Ему было отрадно лелеять подобные мысли, они одурманивали его.

Но, как и после всякого дурмана, приходило вдвойне тяжелое пробуждение. Он сравнивал требования гитлеровского правительства с требованиями коммунистов и оценивал с этой точки зрения поли-

тические и экономические мероприятия национал-социалистского правительства.

Слушал ли он речи по радио, читал ли выступления Иозефа Геббельса или Гитлера, — всегда в его ум проникали критические мысли, указывавшие ему на их лживость и ничтожество. Он не мог оградить себя от этих мыслей, они приходили сами собой.

У него еще сохранились его марксистские книги. Сначала он хотел их уничтожить. Потом он сказал себе: сохраню их на память. Он поклялся себе никогда больше не притрагиваться к ним. Но вскоре он стал перелистывать то одну, то другую. И странно, при чтении в памяти оживали споры, речи и доклады. Когда он откладывал книги в сторону, гнетущее беспокойство усиливалось.

Ужасны были встречи со знакомыми коммунистами. Иногда он отрицал свое знакомство с ними и думал, что этим он помогает им. Других, проступки которых были очевидны, он ругал; если при этом присутствовали чиновники тайной полиции, — ругал громко и злобно. Потом у него появилось ощущение тошноты, а голова прямо готова была развалиться на части.

В его присутствии они избивали портового рабочего Карла Бендера, которого он знал по занятиям в кружке как тихого, остроумного мечтателя. Как он посмотрел на него, когда его били! Во всяком случае он не поднял руки. Но эти глаза... эти глаза. Он слышал, как они забили до смерти Людвига Го-

ля, этого веселого спортсмена. Слышал, как он бросал в лицо своим учителям проклятия, которые приводили их в ярость. Несколько часов спустя пронесли его труп.

Многих он не знал, но Пемеллера, которого они пристрелили, он знал по собраниям, так же как и молодого Штейнке, который после допроса, продолжавшегося всю ночь, вскрыл себе вены на руке.

Однажды сообщили, что один из политических «повесился». Комиссар Мертенс, сидевший за столом напротив него, сказал:

— Ведь мы же знаем, что в сущности все это бессмысленно.

Петцольд не ответил: Мертенс был начальником отряда СА и Эппендорфа, нужно было быть вдвойне осторожным.

Но тот продолжал как ни в чем ни бывало.

— Знаете, Петцольд, то, что происходит сейчас, напоминает мне фронт летом восемнадцатого года.

— То есть как? — Петцольд действительно не понял, что он хотел этим сказать.

— Видите ли, тогда мы все еще пристреливали одного француза за другим и при этом знали, — все кончено. И если мы стреляли, то только из страха перед тем, что будет, просто для того, чтобы иметь еще хоть один день, еще на один день отодвинуть неизбежное.

Мертенс вытянул вперед руки, как-будто он хотел поклясться Петцольду в этом, и сказал:

— А сейчас? А разве сейчас не так же? Еще одного коммуниста прочь. Еще одного! Но можно ли

так долго существовать? Можем ли мы их уничтожить? Будьте откровенны, вы верите этому так же мало, как и я. Нужно было бы расстрелять уже многих рабочих или арестовать их. И, видите, это не удается.

Он поднялся и перегнулся через стол к Петцольду:
— Но такой рабочий... Подумайте...

Он прошептал:

— Верите ли вы рабочему, который кричит «Хейль Гитлер»? Я всегда говорю, коммунизм — да сохранит меня господь от него — еще придет, об этом позаботятся глупость и жажда наживы капиталистов.

Уже в течение нескольких дней в тайной полиции шептались о какой-то таинственной тройке, которая вела нелегальную коммунистическую работу в Бармбеке и на следы которой, кажется, удалось напасть.

Однажды ночью было сказано: пришло время, сегодня мы их поймем. Комиссары сели в автомобиль, который быстро помчался по улицам спящего города. У Виезендам он остановился. Обязанности были распределены заранее. Квартал был оцеплен. Отряд вломился в подвальную мастерскую какого-то жестянника.

Оттуда вытащили двух мужчин и женщину. Один из них был Иерн Штюбен. С презрительной усмешкой влез маленький, уже довольно полный рабочий-металлист в автомобиль.

Увидев его, Петцольд забился в дальний угол и дрожал, как прибитая собака. Он старался спрятать свое лицо от арестованного. И это удалось бы ему,

если бы главный комиссар Тутце, довольный удачей, не спросил:

— А ну-ка, Петцольд, посмотри, не знаешь ли ты этого парня?

Штюбен выпрямился...

— Ах, так! — крикнул он и снова повторил: — Ах, так! Наконец-то, подлец, тебе это удалось?

Петцольд не мог вынести взгляда Штюбена. Конвойные из СС¹ забавлялись словами Штюбена. Тутце, смеясь, сказал:

— Вы знакомы! Это обещает быть интересным.

Петцольд сделал доклад начальству:

— Долгое время я снимал у Штюбена комнату. Он был партийным работником, но не из руководящих. В последние месяцы, по моим наблюдениям, он был даже очень пассивен.

— Что вы знаете о его сыне Генрихе?

— Он был в то время членом комсомола и сидел в тюрьме. Я занимал его комнату.

— Думаете ли вы, что старик знает, где он находится?

— Нет, не думаю!

— Почему?

Петцольд задумался, мысли перебивали друг друга. Только бы не дать заметить. Не возбудить недоверия...

— Я знаю, — солгал он, — что старик Штюбен не одобрял поведения своего сына и вообще отец и сын были не в слишком хороших отношениях.

¹ СС—охранные отряды.

— Так? Там еще есть дочь, она кажется тоже занимается политикой?

— Дочь Эрна, возможно, и была членом комсомола, но я хорошо знаю, что в действительности она была совершенно равнодушна к политике.

Петцольду хотелось спросить, что ожидает Штюбена, какие обвинения предъявляют ему, но он не решался.

На другой день он хотел притвориться больным и посидеть несколько дней дома. Но беспокойство и неведение заставили его пойти в ратушу.

— Ну, вчера у вас был хороший улов? — Этими словами встретил его Мертенс. — Один, — добавил он, — уже околел. Наши ребята на этот раз опять перестарались.

Петцольд больше ничего не хотел знать, теперь он знал все: они его убили. Он сидел и старался овладеть собой, но холодный пот выступал у него на лбу, а посиневшие губы дрожали. Безжизненными глазами он смотрел на своих коллег.

— Петцольд, что с вами? Что случилось?

— Уже несколько дней мне плохо, — пролепетал тот.

— Вам надо в кровать, у вас дикий жар.

Петцольд ушел. На лестнице он встретил вахмистра СС Винцера, который участвовал в ночной поездке.

— Один уже умер? — спросил Петцольд.

— Да, — ослабился вахмистр. — Тот маленький толстяк, обругавший тебя.

— Отчего он умер?

— Отчего? Его улыбка стала еще шире. — Не вынес допроса.

Петцольд выбежал на улицу. Люди торопливо проходили мимо и не знали, что происходило за этими серыми стенами. Он дал людскому потоку увлечь себя в глубь города, мимо больших, роскошных магазинов, к площади Адольфа Гитлера.

— Допрос? Что эти собаки сделали с ним?.. Не сделал ли я все, что мог? Кто же знал это? Кто мне поверит? Иерн! Какой конец.

У столба с объявлением он остановился. Он не читал пестрых плакатов, но смотрел на них невидящим взглядом. Прохожие удивленно оглядывались на него. На его мертвенно бледном лице, под широко раскрытыми глазами появились глубокие, темные впадины.

«Боже мой, что может подумать обо мне девушка?.. А Генрих? Карл Бендер!.. А что, если они готовят мне подобную же судьбу?»

Петцольд бесцельно бродил кругом. Внезапно он оказался снова перед ратушей. Не задумываясь, вошел.

Мертенс удивился.

— Что это с тобой?

— Надо работать. Надо отвлечься.

Лишь только он произнес это, как испуганно взглянул на своего коллегу. Он боялся, что сказал слишком много.

Он работал, как лошадь. Поздно вечером поехал в Оттензен. Но, еще не доезжая Альтоны, соскочил с поезда и пошел пешком среди пассажиров он

заметил одного бывшего члена компартии.

Утомленный, дрожащий от внутреннего волнения, укоров совести и страха, поднялся он вверх по лестнице, к своей квартире. Обессиленные пальцы вытащили карманный фонарь. Лихорадочные глаза увидели крест на двери. Как-будто преследуемый невидимой сворой, бежал Петцольд сквозь ночь.

При первом отблеске рассвета он снова стоит у серой глыбы ратуши. Швейцар впускает его, он думает, что у комиссара есть важная работа. Петцольд, запершись в своей комнате, пишет долго, с большими паузами.

После того, как одно письмо с надписью «Эрне Штюбен» опущено в почтовый ящик, на котором написано, что выемка почты производится в 6 часов утра, — он облегченно вздыхает.

Несколько часов спустя Мертенс находит его с кровоточащей раной на лбу. Черный маузер лежит у его ног. На столе, рядом с безжизненной головой— лист бумаги.

— Градоначальнику! — читает Мертенс, удивляясь.

«Вы послали меня в коммунистическую партию для шпионажа; вы оказали мне этим большую услугу. Это дало мне возможность узнать, что коммунисты не преступники и не люди низшей расы, а только они без лжи и задних мыслей борются за счастье трудящихся. Я не хочу больше быть соучастником в вашей работе палачей.

Густав Петцольд».

Сразу под этим написано:

«Коммунисты! Товарищи, вы сильнее, чем вы думаете, вы победите. Я знал это уже давно, сегодня я знаю это лучше, чем когда-либо раньше. Иерн Штюбен прав, я поступил как подлец, но в его смерти я не виновен. Густав Петцольд».

Лишь после того как Мертенс прочел все до конца, он поднял тревогу.

Все коллеги, войдя в комнату, читали написанное. Большинство качало головами и беспомощно оглядывалось.

Главный комиссар Тутце запер дверь и отнес письмо городскому советнику доктору Беккеру.

Градоначальник так заинтересовался происшествием, что в этот же день отправился в ратушу. Советник городского правления протянул ему листок.

Юный градоначальник прочел это странное двойное письмо раз, два, три и потом взглянул на советника.

— Как это надо понимать?

Доктор Беккер скривил тонкие губы.

— Этот парень не мог справиться с нервами.

— Нет, это не то, теперь я кое-что понимаю. Мы сильно промахнулись тогда при выборе. Он был слаб характером.

Вошел секретарь.

— Пришли представители печати!

— Вы хотите дать сообщение в печать?

— Это представители иностранной печати, наши газеты уже предупреждены! — Советник изображает на своем высохшем лице любезную улыбку.

— Сядьте, пожалуйста, здесь, господин градоначальник.

— Один из наших заслуженных чиновников покончил самоубийством, — лично диктует советник репортерам. — Этот человек, Петцольд, раньше был коммунистом. То, что он перешел к национал-социалистам и даже стал чиновником третьей империи, — этого коммунисты ему не могли простить. Ежедневно он получал угрожающие письма. Несколько раз на него подготавливались покушения. Он жил среди рабочих в Оттензене и никогда не был уверен в своей безопасности. Нервы Петцольда не могли выдержать этого длительного напряжения и сегодня утром во время нервного припадка он покончил с собой. Коммунисты добились своего. А для тайной полиции этот случай будет серьезным предупреждением. Коммунистическая опасность не преодолена. Надо усилить борьбу против этих преступников и быть еще более осторожным.

Советник встает. На его холодном, как из гипса, лице нет ни возмущения, ни гнева. Репортеры благодарят и уходят. Градоначальник молча подходит к советнику и протягивает ему руку. На их лицах скользит едва заметная, понимающая улыбка...

20 коп.

Продолжается прием подписки на 1935 год
НА БИБЛИОТЕКУ «ОГОНЕК»

Подписная цена: Б-ка «ОГОНЕК» (36 номеров в год): 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.

Журнал «ОГОНЕК» (36 номеров в год): 12 мес. — 3 р. 20 к., 6 мес. — 3 р. 60 к., 3 мес. — 1 р. 80 к.

Подписка принимается: Москва, Советской бульвар, 11, Жургазоб'единением и совместно почтой и отделениями Союзпечати.

Журнально-газетное объединение